

Р. Ф. Брандт

**Введение в славянскую
филологию**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Р11

Р11 **Р. Ф. Брандт**
Введение в славянскую филологию / Р. Ф. Брандт – М.: Книга по Требованию,
2014. – 134 с.

ISBN 978-5-458-55436-7

ISBN 978-5-458-55436-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ковъ оказывается еще большей, если взять ихъ не въ теперешнемъ видѣ, а въ составѣ раннемъ — если сравнивать ихъ старинные памятники, а для весьма древняго времени мы предполагаемъ даже одинъ славянскій языкъ — общеславянскій или праславянскій. Изъ числа старыхъ или древнихъ славянскихъ языковъ особой архаичностью отличается языкъ, на который Кириллъ и Меѳодій перевели священные книги. Этотъ языкъ, которому дають разныя названія, я предпочитаю называть староцерковнымъ. Съ русской точки зрѣнія языкъ православной церкви естественно проте-воставляется русскому, гражданскому, какъ церковный, при чемъ однако надо различать церковный языкъ старинный и новый ("новоцерковный", подвергшійся значительному влиянiю русскаго). Староцерковный языкъ такъ архаиченъ, что сохранилъ звуки и формы праславянскаго. Въ виду своей архаичности, этотъ языкъ занимаетъ видное мѣсто въ языковеднiи, ставится рядомъ съ санскритомъ, древнеиранскимъ, греческимъ, латинскимъ, готтскимъ, литовскимъ. Явное средство "индоевропейскихъ" языковъ (перечисленныхъ здѣсь не полностью) подмѣчено давно, научно же разобрались въ немъ сравнительно недавно. Ближайшее родство между тѣми или другими индоевропейскими вѣтвями — дѣло спорное. Однако ясна и всеми признана близость языковъ индусовъ и иранцевъ, а также родство славянъ и литовцевъ, и для второй пары народовъ предполагается славяно-литовское (или литво-славянское) единство — эти единства, значить, продолжали существовать гораздо позднѣе

расторженія древнѣйшаго обще-индоевропейскаго единства.

Для предполагаемыхъ пранародовъ, на основаніи словъ, которыя можно возвести къ ихъ корѣ, что свидѣтельствуетъ о существованіи соответственныхъ понятій, восстанавливаютъ картины ихъ культуры. Такую картину для праславянъ набрасываетъ Крекхъ въ своей книгѣ "Einleitung in die slavische Literaturgeschichte" ("Введеніе въ исторію славянскихъ литературъ"). Этому вопросу на русскомъ языкѣ посвящена книга, представляющая въ сущности сравнительный словарь славянскихъ языковъ. Это книга Будиловича "Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ", Кіевъ 1879 г.

Бкратцѣ наиболѣе, по моему взгляду, достовѣрная постановка по этому вопросу изложена у меня въ докладѣ, читанномъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, повторенномъ впоследствии въ переработанномъ видѣ, какъ актовая рѣчь, при открытіи въ Смоленскѣ отдѣленія Московскаго археологическаго института, подъ заглавіемъ "Черты доисторическаго быта славянъ по даннымъ языка" и напечатанномъ въ книжкѣ, посвященной открытію смоленскаго отдѣленія "Памятка Смыслевская" 1911 г.

Признавая цѣнность языка для восстановленія первобытной культуры, не слѣдуетъ однако ее преувеличивать. Свидѣтельства его не разъ бываютъ скудны и недостаточно ясны. Прежде всего отсутствіе слова для какого-нибудь понятія особой цѣны не имѣетъ. Бываетъ имѣлось для обозначенія понятія слово, но впоследствии было утрачено или замѣнено другимъ. Оста

новимся, какъ на примѣрѣ такого явленія, на словѣ "м о л о к о"

Въ староперковномъ находимъ "млѣко", и слово это имѣется во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ разновидностяхъ, указывающихъ на праславянское "мелко". Но по даннымъ сравнительной фонетики надо думать, что слово это пришло изъ германскаго языка и произошло изъ областной разновидности нѣмецкаго "m i l c h", голландскаго "m i l c h", какого-нибудь "m e l k". Дѣло въ томъ, что древнегерманское "k" (кое-гдѣ переходящее затѣмъ въ "ch") не соответствуетъ праязычному "к", а вышло изъ "g" (въ данномъ случаѣ тотъ же корень с g " виденъ въ латинскомъ "mulgo", греческомъ "melgo" - gох), каковому звуку у славянъ соответствуетъ тоже "г" или же "з" (также "ж").

Появленіе же въ славянскомъ словѣ "к" становится понятнымъ, если слово было заимствовано изъ германскаго говора.

Правда, такое заимствованіе можетъ показаться страннымъ чуть ли дикимъ . Однако оно могло произойти въ связи съ тѣмъ что славяне позаимствовали у нѣмцевъ какое-нибудь улучшеніе въ молочномъ хозяйствѣ. Но, конечно, праславяне не могли не знать молока, и если слово "м о л о к о " пришло, то приходится предположить, что ранее все-таки было какое-нибудь свое названіе для молока, а не утверждать на основаніи языка - чего никто и не дѣлалъ, и что было бы пелѣсо, - что праславяне не знали молока. Словомъ этимъ можетъ быть слѣдуетъ считать "м о л о з и в о" (что^{по} праславянски звучало бы "м е л з и в о"), однокоренное съ вышеуказаннымъ латин-

скимъ и греческимъ глаголами, къ коимъ примыкаетъ также глаголъ "м л с т и - м ѣ л з ѣ" (по-староцерковному "мѣсти - мѣеѣ "). А вотъ примѣры на отсутствіе словъ для имѣющихся понятій, при чемъ понятія выражаются описательно.

Русскій языкъ не имѣетъ нѣмецкаго глагола "r e i t e n" (ѣздить верхомъ), но напрасно, конечно, черезъ многія столѣ-

стали бы отсюда выводить, что русскіе верхомъ не ѣздили. Подобное же ошибочное заключеніе можно вывести и изъ французскаго глагола "r a t i n e r", кататься на конькахъ, но-нѣмецки - "s c h l i t t s c h u n l a u f e n". Какъ бы ошибся изслѣдователь, если бы на основаніи этого факта, сталъ бы утверждать, что французы жили въ болѣе холодномъ климатѣ! Съ другой стороны не забудемъ, что наличность слова въ двухъ языкахъ не разъ объясняется тѣмъ, что слово зашло изъ одного языка въ другой. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно можно установить истину на основаніи звуковыхъ законовъ даннаго языка, чего мы уже касались, говоря о словѣ "молоко". Теперь возьмемъ, какъ примѣръ, довольно новое и несомнѣнное заимствованіе, и отмѣтимъ, что если бы мы и не знали о фактѣ заимствованія, то могли бы установить его на основаніи звуковыхъ законовъ. Слово "к р а н ѣ" несомнѣнно пришлое нѣмецкое слово (Krahn), а не составляетъ отнюдь древняго, общаго достоянія, не восходить ко временамъ литво-славяно-германскаго единства. (Такое единство прежде предполагали, но на слабыхъ основаніяхъ).

Доказательствомъ прищлости, какъ и у слова "молоко",

служить звукъ "К", который при древнемъ сродствѣ не повторялся бы въ обоихъ языкахъ.

Словъ "krahn" въдобавокъ, имѣетъ ясную этимологию: это болѣе простой видъ слова "K r a n i s h" - журавль. Ср. нашъ журавль у колодца. Германское "к", по германской фонетикѣ, изъ "g", которое въ греческомъ словѣ "g é r a n o s" журавль - "г" сохранилось. До славянски сродни глаголы "г р а ю - т и" (каркать), тождественный съ нѣмецкимъ глаголомъ "k r ä - h e n" по старо-нѣмецки - "s h r ä j a n". Въ другихъ случаяхъ предположеніе древней общности опровергается тѣмъ, что слова стали имѣть необычныя окончанія. Возьмемъ опять слово, заимствованіе котораго не подлежитъ сомнѣнію - "м и н у т а". Мы знаемъ, что оно жепскій родъ латинскаго "m i n u t u s" (мелкій), каковая форма распространилась по востѣмъ европейскимъ языкамъ. Въ русскій языкъ она зашла ближайшимъ образомъ отъ нѣмцевъ. Если бы мы не знали этого факта, то могли бы объяснять его отъ глагола "м и н о в а т ь" съ присоединеніемъ суффикса "у т а" или, нѣсколько иначе, изъ основн "м и н у" (мину) съ суффиксомъ "т а", но "т а" и "у т а" не ходовые суффиксы, которыми можно пользоваться въ новѣйшія времена. Возьмемъ другое слово - "м а ш и н а". Оно хорошо разлагается на корень "м а ш" или "м а х" и суффиксъ "и н а", но, оно, какъ извѣстно, тоже пришлое. Къ намъ оно, вѣроятно, пришло отъ нѣмцевъ, послѣдніе же его позаимствовали у французовъ. Нѣмцы въ латинскомъ словѣ "m a c h i n a" сами не

развили бы звука "ш", очевидно, что слово должно было побм-
вать у французовъ и предварительно превратиться въ "м а с њ и-
п е", а потомъ уже дать у нѣмцевъ "М а с с њ и п е". Да и у
римлянъ это слово греческое, это греческое "М ē с њ а п ē", взя-
тое изъ дорическаго нарѣчія въ видѣ "м а с њ а п а́". На послед-
нихъ двухъ примѣрахъ мы видимъ случаи передачи словъ отъ од-
ного народа къ другому и чрезвычайно широкаго ихъ распростра-
ненія. Отмѣтимъ еще одно слово, которое распространилось по
всѣмъ славянамъ, кромѣ русскихъ и поляковъ, возникшее у че-
ховъ, слово "ж е л ѣ з н и ц а" (по-чешски zěleznice) - же-
лѣзная дорога. Слово это несомнѣнно не можетъ считаться древ-
нимъ, такъ какъ самое понятіе возникло въ истекшемъ сто-
лѣтіи. А вотъ еще два слова, распространившіяся по всему
славянству, но не принадлежащія языку праславянскому:

"с л о н ѣ", "л ѣ в ѣ". На основаніи ихъ распространенности
можно бы сдѣлать выводъ, что праславяне жили подъ тропиками,
что по другимъ соображеніямъ немислимо. Но, ближе присмотрѣв-
шись къ смутившимъ насъ словамъ, мы увидимъ нѣчто иное: въ
словѣ "д е в ѣ" - звукъ "е", по фонетическимъ особенностямъ рус-
скаго языка произносился бы, какъ "ѣ" - "л ѣ в ", а не "л е в "

Дѣйствительно, когда это слово является принадлежностью
обиходной рѣчи и обозначаетъ собственное имя, мы и наблюдаемъ
такое произношеніе "Л ѣ в у ш к а", "Л ѣ в ". Выговоръ же
"Л е в ", какъ и "н а д е ж д а" при народномъ "н а д ѣ ж а"
указываетъ на книжное происхожденіе слова.

Нѣсколько иное соображеніе заставляетъ отвергать праславянскость слова "с л о н ѣ". Оно имѣетъ очень ясную этимологию и обближается со словами "с л о н я т ь с я", " п р и с л о - н и т ь с я", и основывается на старой баснѣ, повторяемой иногда и до сихъ поръ, будто у слона нѣтъ суставовъ въ ногахъ, такъ, что ложиться онъ не можетъ, и спитъ прислонившись къ дереву. Эта этимология слова "с л о н ѣ" указываетъ на дикое и превратное понятіе о немъ, а не на близкое съ нимъ знакомство. Итакъ, слова "л в ѣ" и "с л о н ѣ" распространились отъ однихъ славянъ къ другимъ книжнымъ путемъ и праславянами извѣстны не были. Нужно имѣть въ виду еще, что въ древнее время слова могли обозначать не совсѣмъ то, что обозначаютъ теперь. Таково общеславянское слово "с в ѣ ч а", староцерковнославянское "с в ѣ щ т а" или новоцерковное "с в ѣ щ а" изъ праславянскаго "с в ѣ т ѣ а" — оно употребляется у всехъ славянъ съ различными оттѣнками выговора и означаетъ именно свѣчу, но трудно предположить, что праславяне дѣлали свѣчи изъ воска или сала и, дѣйствительно, этимъ словомъ обозначалась лучина или факель, либо разведенный для совѣщенія огонь или костеръ.

Въ Евангеліе отъ Марка, гл. 14, ст. 54, мы читаемъ о томъ, что апостолъ Петръ сидѣлъ при "с в ѣ щ т и" на дворѣ, очевидно, что сидѣлъ при кострѣ. На основаніи данныхъ языка, при помощи указанныхъ пріемовъ проверенныхъ и очищенныхъ, мы можемъ построить слѣдующую картину жизни праславянъ. Прасла-

вяне вели осёдлу жизнь. Мы находили у нихъ нѣсколько названий для жилищъ; названія эти впоследствии отчасти измѣнились и стали обозначать не жилища человека, но другія помѣщенія, другія постройки, имѣющія другія цѣли. Таковы слова: "д о м ъ", "х р а м ъ" (праславянскія хорѣ, хоромы); "к л ѣ т ъ", носившее значеніе кладовой; "х ѣ в ъ" - слова "и з б а", въ древѣйшемъ видѣ "и с т ъ б а" - слово это такъ распространено, что если его и заимствовали (какъ принято говорить), то въ эпоху очень давнюю. Жилища праславянъ были безусловно домами, хоть и не роскошными, но все же не какими -нибудь пещерами или ямами. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ праславянское слово "з ѣ д а т и" - строить, въ русскомъ языкѣ живущее лишь въ предложномъ глаголѣ "с о з д а т ь ". Подтверждается это еще и тѣмъ, что имѣются названія для некоторыхъ частей дома. Такъ имѣется очень распространенное, но не употребляющееся въ русской литературной рѣчи, названіе для крыши - "с т р ѣ х а". Праславянскими должны считать также названіе порога, церковно-славянское "п р а г ъ" (праслав. "поргъ"). Праславянскимъ является слово, п е ч ъ, староцерков. "ч е л т ъ", или - какъ мнѣ дѣлается - пель.). О некоторыхъ благоустройствахъ дома говоритъ также слово - к л ъ ч ъ, хотя ключъ могъ быть, конечно, орудіемъ незатѣливымъ, не хитрымъ запоромъ, но, что было ключъ, и запирали дома, подтверждается существованіемъ употребляющагося въ настоящее время порусски глагола "в р ѣ-

т и° (запирать). На основании данныхъ языка можно бы подумать, что въ окнахъ были стекла слово"с т ь к л с"-об-щеславянское; но это противорѣчитъ историческимъ даннымъ. Надо полагать, что праславяне знали стекло только въ видѣ украшеній, стекляшекъ - бусъ и т.д.

Внутри дома была мебель.
Къ этой порѣ восходитъ слово"с т о л ъ". Надо однако имѣть въ виду, что это слово у кнхъ славянъ обозначаетъ стулъ кресло (вспомнимъ хоть старорусское столъ - престолъ княже-скіе) - поэтому можно думать, что оно въ праславянскую пору имѣло болѣе общее значеніе, обозначая доску на ножкахъ, на которую не только ставили предметы, но и сами садились. Эти-мологія же, явная, повидимому, связь съ глаголомъ"с т у л а - ј и - с т е л ъ" говоритъ за то, что еще ранѣе столъ былъ шкурою, на коей сидѣли, а при случаѣ и ставили что-нибудь. Другіе предполагаютъ что слово это заимствовано изъ Герма-ніи. Это слово теперь звучитъ"S t u h l", а въ старонѣмец-комъ звучало"S t u o l". Если это такъ, то оно пришло къ славянамъ два раза еще въ праславянскую пору въ новое вре-мя (нашъ теперешнее "стулъ" несомнѣнно заимствовано). Но подлежитъ сомнѣнію, что славянскіе дома имѣли двери/дверь); впрочемъ, это названіе восходитъ ко временамъ еще болѣе отда-леннымъ - индоевропейскимъ.

Нѣтъ однако общеславянскаго названія для потолка, должно-быть потолокомъ у праславянъ служила та же"с т р і х а"; и линовхъ трубъ, хотя по вышесказанному отсутствіе

словъ не особенно доказательно, но отсутствіе толковъ

и трубъ само по себѣ вѣроятно. Освѣднѣе праславяне занимались хлѣбомастерствомъ, мы имѣемъ общеславянскій глаголъ, обозначающій это понятіе, это не п а х а т ь исключительно великорусскій, а нечуждое великороссамъ "орати" ~~орѣ~~ П а х а т а, впрочемъ, еще древнѣе. Имѣется глаголъ этотъ и въ литовскомъ языкѣ "a r t i" и въ латинскомъ "orare", въ греческомъ "а г о о При глаголъ "орати" стоитъ производное слово "р а т а и или "оратаи", но праславянски оно звучало должно быть "о р т а и". Въ добавокъ общеславянски имѣемъ глаголъ "ж а т и" и имя существительное "ж ь н ь ц ь"; очень распространено и слово "ж а т в а". Далѣе были въ ходу различныя названія для земледѣльческихъ орудій: "с о р б а", "п л у г ъ", "р а л о", "с ь р п ѣ", "к о с а", "в и л ѣ". Имѣется также рядъ названій для зернового хлѣба, таковы слова: "ж и т о" - древнее общее названіе для разнаго зернового хлѣба, и для разновидностей его "р ѣ ж ѣ", "п ь ш е н о", "п р о с о "п ь ш е н и ц а".

II. л е к ц і я по введѣнію въ славяновѣдѣніе
Р. Ф. БРАНДТЪ.

Въ обзорѣ культуры первобытныхъ славянъ мы встрѣчаемъ цѣлымъ рядъ словъ, обозначающихъ хлѣбныя злаки; это свидѣтельствуеетъ о томъ, что земледѣліе было извѣстно первобытнымъ славянамъ. Можно, правда, предположить, что этими злаками